

СОЦИОЛОГИЯ И ЖИЗНЬ

Субъективная реальность и проблемы ее теоретического моделирования

А. Ю. Солнышков

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Субъективная реальность обычно понимается как эквивалент реальности объективной. Между тем ее содержание состоит как из не вполне адекватных «копий» элементов объективного мира, так и из объектов, сгенерированными в процессе работы интеллекта с компонентами субъективной реальности. По этой причине субъективно сгенерированные компоненты обычно понимаются как объективный факт, в этом качестве обуславливая социальные взаимодействия актора.

Можно учесть влияние фактора субъектности, сформировав единую «систему отсчета с наблюдателем», охватывающую и пространство субъективной, и внешней (социальной) реальности. Для обеспечения эквивалентности «измерений» в субъективной и внешней реальности целесообразно поместить «наблюдателя» в субъективную реальность, а «единицей измерения» принять функциональную систему П. К. Анохина; в наблюдаемом извне поведении ей соответствует единичный акт (цикл) деятельности.

Функциональная система единообразно структурирует внешнее поведение и внутрипсихическую деятельность. Точкой отсчета целесообразно принять потребность актора. Процесс деятельности актора с компонентами субъективной реальности описывается в понятиях, отражающих содержание компонентов функциональной системы.

Структура субъективной реальности представлена в виде знаний (инкорпорированная в память информация о том, что не было операционализировано в личной деятельности актора) и умений (то, что инкорпорировалось в память в качестве завершенного акта деятельности). И первые, и вторые одинаково могут исполнять роль ценностей, оказывая на актора мотивирующее воздействие.

Самостоятельными компонентами субъективной умственной модели реальности являются образы людей. С ними взаимодействует сам актер или его агент в этой реальности — его образ «Я», который может также представлять в сознании «проблемные» — неудачно завершенные и необоснованно отложенные акты деятельности. Образ «Я» взаимодействует с тремя типами субъективизированных образов: «Ты», «Вы», «Они». Каждый тип имеет специфические свойства, обуславливающие правила взаимодействия с ним. Техники взаимодействия актора с ними в субъективной умственной модели проецируются на реальные взаимодействия с людьми, обуславливая их содержание и результативность. Высокая культура деятельности человека в субъективной умственной модели реальности позволяет существенно повысить результативность социальных интеракций.

Ключевые слова: субъективная реальность, фактор субъектности, функциональная система, акт деятельности, понимание, интеллектуальная деятельность, умственная модель, операционализация знаний.

Понятие «субъективная реальность» часто используется либо как заменитель понятия «сознание», который более точно отражает обозначаемый объект, либо как понятие, создающее контраст при раскрытии свойств реальности, находящейся вне сознания человека. В отечественном гуманитарном знании, щедро оплодотворенном ленинской теорией отражения, субъективная реальность нередко продолжает традиционно пониматься, как «только» копия реальности объективной: например, «содержание образа... определяется объективной реальностью, которая в нем отражена» (Хмарский, 1974: 10). При этом подразумевается, что объективная реальность в принципе может быть адекватно отображена человеческим сознанием, и поэтому всегда есть возможность верификации конкретной субъективной модели путем сравнения ее с некой правильной, «объективизированной» моделью, выработанной общественной практикой.

Но с появления философской мысли и до сего времени вопрос о мере соответствия субъективной умственной модели объективной реальности не находит однозначного решения: «даже... отдельному человеку, когда он воспринимает чувствами, одно и то же кажется не всегда одним и тем же. <...> Какие из этих представлений истинны, какие ложны — это не ясно... из-за того, что разумение... отождествляют с чувственным восприятием... приходится объявлять истинным все, что является чувствам» (Аристотель, 1976: 136). Общественная практика и вырабатываемое на ее основе знание являются неабсолютным средством верификации, так как «картина мироустройства» — это всего лишь продукт деятельности мозга, обрабатывающего сигналы органов чувств человека. Человек одновременно является и основным инструментом познания и оценки внешней действительности, и методологом личной «программы познания», и «сценаристом» своей субъективной картины реальности. Следовательно, то, что мы понимаем как объективную реальность, — это ее субъективная умственная модель, инвариантность которой объективной реальности недоказуема. Но в субъективной модели есть и специфические компоненты, сгенерированные сознанием. Так, в объективной реальности, состоящей из кантовых «вещей в себе», нет того, что мы называем «временем», «причиной» и «следствием»; в ней то, что мы понимаем как атомы или электромагнитные колебания, существует иначе, чем мы это мыслим, в ней нет «физических» или «химических» явлений. При том что в ней существуют все соответствующие события и процессы, они существуют несколько «не так» (см.: Попов, 2004: 114–129). Следовательно, «то, что эмпирически подтверждается, относится не к области чистой физики, а к физике, плюс соответствующий раздел психологии» (Рассел, 2000: 59). Это обусловлено тем, что еще на этапе восприятия внешней реальности (вспомним идолов рода и пещеры Ф. Бэкона) «отражается не внешний мир, а соотношения конкретного организма с внешним миром» (Швырков, 1995: 103).

Если мы переходим от физической реальности к социальной, то обнаруживаем, что уровень взаимных соответствий «реальностей» в человеческих сознаниях (а нередко и в единичном сознании) таков, что порой уместно интерпретировать эти соответствия через библейскую метафору о вавилонском «эксперименте». Этот феномен познания, раскрытый в категориях семантики, удачно обозначен «тезаурусным катарсисом» (см.: Луков Вал., Луков Вл., 2014: 30–31).

Целесообразно построить такую теоретическую модель субъективной реальности, в которой влияние фактора субъектности было минимизировано. Если «в деятельностно-познавательном... взаимодействии «субъект-объект» интерсубъективная система отсчета не определена в понятиях конкретной исследовательской программы, то

в результате взаимодействия появляются различного рода субъективные реальности, которые разумно называть переживаниями... представлениями... или как-нибудь еще, но только не физической реальностью» (Попов, 2004: 95). Для того чтобы в модели процесса взаимодействия «субъект-объект» не «потерять» субъективный «взнос» в модель реальности, В. Г. Попов предлагает применить следующий методологический принцип: явления объективной действительности следует сводить к «системам отсчета с наблюдателем» (там же: 114). Этот вывод одинаково верен для системы любых, в том числе, и социальных, и обыденных человеческих представлений. Следовательно, как и в научном моделировании, в повседневных отношениях людей принципиально важными являются: 1) выработка единой системы отсчета («удачное» определение «точки отсчета» и «единицы измерения» человеческих действий), 2) понимание субъекта как наблюдателя и как инструмент измерения действительности (и, следовательно, «разобъективизация» субъективных прагматических категорий), сохранение в сознаниях участников деятельности «транзакции» тождества отображающей ее умственной модели от начала до окончания взаимодействия.

Что же касается научных моделей действительности, то они выстроены так, что проблема влияния неустраняемого фактора субъектности на моделирование реальности, вызвавшая на рубеже XIX–XX вв. кризис в физике, не преодоленный в полной мере до сих пор, находится на периферии интересов специалистов естественных наук. Это, однако, не создает непреодолимых препятствий пониманию действительности и человеческой практики. В отличие от этого, в психологии равноправное сосуществование объективистской («с позиции экспериментатора») и субъективистской («с позиции подопытного кролика») систем фиксации, измерения и интерпретации фактографических данных, а также нерешенность проблемы выбора «единицы психического» порождает множественность концептуальных моделей, плохо согласующихся друг с другом и теряющих свой эвристический потенциал (см.: Мельников, Ямпольский, 1985: 7). Социология, строящая здание своей науки на этом фундаменте, импортирует в свою теоретическую модель все эпистемологические проблемы психологии. Вероятно, следствием такого рода импорта оказывается и нерешенность проблемы выбора приемлемой научной парадигмы, и надежды на методологическую результативность «практического поворота», и признание допустимости эклектики в социологии постмодерна. Одним из перспективных направлений научных исследований, связанных с поиском выхода из этой ситуации, являются работы в рамках тезаурусной концепции знания (см.: Луков Вал., Луков Вл., 2008: 107–187).

Детерминистская парадигма научного мировоззрения, построенная на принятии аксиомы об имманентной корректности субъективной модели объективной реальности, была парадоксально отрефлексирована Д. Юмом: «...у нас нет иного представления о причине и действии, кроме представления о некоторых объектах, которые всегда соединены вместе... Мы не можем проникнуть в основание этого соединения. Мы только наблюдаем сам факт его и видим, что постоянное соединение объектов обуславливает их связь в воображении. Когда впечатление одного из объектов воспринимается нами, мы непосредственно образуем идею его обычного спутника» (Юм, 1998: 149). Другими словами, субъективная модель неочевидных явлений объективной реальности строится равно как из образов, являющихся только слепами внешней реальности в психике, так и образов, сгенерированных психикой в процессах умственных операций над понятиями и образами, стоящими «за» понятиями.

Современная научная картина мира в значительно большей мере (сравнительно со временами Д. Юма) строится из компонентов, сгенерированных в сознании исследователей. Компоненты умственных моделей, созданные и существующие исключительно в субъективной реальности, составляют основу большинства современных научных теорий. Мышление выстраивает из них цепочки причинно-следственных отношений, «придумывая» объекты и их свойства таким образом, чтобы они (по правилам субъекта, а лучше — еще и по правилам формальной логики) связывали в непротиворечивую умственную модель относительно немногочисленные фактографические данные об объективной реальности. Такие теоретические модели лишь в отдельных «точках» верифицируются фактами, полученными в результате (обычно) опосредованного инструментального наблюдения¹. Распространяя процедуры научного понимания и на понимание² обыденной реальности, мы обнаруживаем наличие в сознании технологии преобразования юмовских «первичных впечатлений» в адекватную объективной реальности умственную модель, состоящую, в значительной мере из «вторичных» образов, сгенерированных мышлением после обработки образов «первичных». Было бы не вполне обоснованным отождествлять эти образы со словами-понятиями, а технологию взаимодействия интеллекта с ними с технологией мышления по законам аристотелевской формальной логики. Но за этими технологиями просматривается единый алгоритм деятельности, по которому интеллект «обрабатывает» «первичные впечатления», достраивая недостающие, для того чтобы взаимосогласовать их в модели, функционирование которой в уме человека позволяет создавать новое знание.

Нейрофизиология обосновывает, что в качестве единицы человеческой деятельности целесообразно применять модель функциональной системы П. К. Анохина (см.: Солнышков, 2013). Функциональная система (ФС) в виде завершеного целостного акта репрезентирует все компоненты любой целесообразной деятельности субъекта (см.: Безденежных, 2004: 11–12). Импорт теоретической модели ФС в ту составляющую социологии, которая описывает внешнюю и внутриспсихическую деятельность актора, позволяет квантифицировать любые — деятельности и взаимодействия субъектов социальных отношений; ФС превращается в «единицу измерения» человеческих действий. При этом внутриспсихическая деятельность оказывается частным случаем и компонентом человеческой «деятельности вообще». А так как деятельность в модели ФС фрактальна, т. е. отдельный компонент «большого» акта деятельности структурируется так же, как и акт деятельности, в который он входит (см.: Анохин, 1975: 40–64), внутриспсихическая и внешняя, наблюдаемая деятельность структурно аналогичны. Применение теоретической модели ФС позволяет на одном «языке», сохраняя непрерывную логическую связь между понятиями, построить общую модель деятельности актора и в субъективной, и во внешней (в том числе социальной) реальности. Единицей измерения в этой модели становится ФС, которая с «позиции экспериментатора» выглядит как единичный акт (цикл) деятельности (ЕЦД). Исходной точкой отсчета «внутри» этой единицы, «нулем» шкалы измерения деятельности, является потребность актора³. Попутно уточним, что при взгляде «с позиции кролика», в субъективных образах, как экспрессируемых в сознание из памяти, так и интериоризируемых из внешней реальности посредством органов чувств, отпрепарировать внешнюю реальность от субъективной в какой-то части сложно, а в какой-то в принципе невозможно (см.: Швырков, 1995: 31).

Интеллектуальная деятельность с объектами субъективной реальности представлена в единичном акте на этапах: а) предпусковой интеграции, б) принятия решения

(«что, как, когда делать?»), в) сравнения параметров достигнутого (текущего) результата действия с параметрами цели. В случае наличия у актора умений, необходимых для успешного исполнения акта деятельности, собственно интеллектуальный этап деятельности относится к этапам предпусковой интеграции и принятия решения (см.: Безденежных, 2004: 187–205). В случае отсутствия соответствующего умения и проблематичности извлечения из памяти субъекта релевантных его потребности функциональных систем этап интеллектуальной деятельности организуется как самостоятельный ЕЦД либо с объектами субъективной умственной модели, либо с объектами внешней среды.

При моделировании деятельности актора в его субъективной реальности мы получаем двухаспектную модель. Первый аспект — функциональный, разворачивающийся во времени. Для нерутинных⁴, творческих актов деятельности модель субъективной реальности, структурированная аналогично структуре ФС, оказывается вполне пригодной для понимания и предвидения. Субъекту, находящемуся в «позиции экспериментатора», достаточно корректно смоделировать ситуацию актуального текущего соотношения компонентов субъективной реальности исследуемого («здесь и сейчас»), найдя ответы на вопросы об исследуемом: что он хочет? что он умеет из того, что хочет? что его субъективное представление о текущей реальности позволяет и не позволяет ему сделать из того, что он хочет и умеет? Эти вопросы лишь на поверхностный взгляд кажутся тривиальными: в одинаковой ситуации люди выбирают очень разные способы действий; и многие наши разочарования вызваны ошибкой в ответе на эти вопросы.

Второй аспект моделирования — структурный. В структуре субъективной реальности человека просматривается два типа информационных объектов. Первый: «присвоенные» и освоенные субъектом алгоритмы деятельности, в том числе (это важно!), умственной. Второй: образы людей, взаимодействующие с субъектом в его сознании и «оттуда» определяющие его поведение.

Оба типа объектов — «из» памяти, которая «может состоять только из функциональных систем целостных поведенческих актов... добавленных в... индивидуальной истории» (Швырков, 1995: 70). Иначе говоря, ФС, ФС текущей деятельности инкорпорируются в долговременную память после завершения акта деятельности «под сопровождение» положительных эмоций. (Для жестоко покусанного собакой человека акт завершится радостью спасения и удовольствием от прекращения острой боли; для двоечника, завалившего экзамен, акт завершится радостью от окончания «пытки» и удовольствием от того, что экзаменатор остался за закрытой дверью аудитории.) События, окрашенные эмоциями радости и удовольствия, потом будут абстрагированы и превратятся в то, что «следует (правильно, должно, полезно) хотеть». Для эмоции радости: «хотеть делать именно так, а не иначе» — успешный способ действия становится инструментальной ценностью; для эмоции удовольствия: «хотеть достигать именно такого соотношения со средой» — хорошее итоговое соотношение со средой становится терминальной (оконечной в ЕЦД) ценностью. Впрочем, это будут ценности только для этих, крайне негативных ситуаций. Такие ценности, как счастье, профессионализм, подходят для большего числа жизненных ситуаций.

Рассмотрим первый тип информационных умственных объектов. Память сохраняет завершенный ЕЦД в виде нейронной ФС. Ее содержанием может быть: 1) только когнитивная (чтение книги); 2) только (рутинная) двигательная деятельность (мытьё посуды); 3) когнитивная деятельность, операционализированная в двигательной (чте-

ние учебника по сварке и успешное выполнение сварочных операций); 4) когнитивная деятельность по интериоризации и операционализации когнитивной технологии (умножение двузначных чисел в уме).

В первом случае содержание ФС характеризуется как знание — алгоритм интериоризирован, образ «состоялся», но не был операционализирован, образ не интегрирован ни в один полезный для актора цикл деятельности. При этом положительные эмоции от завершеного когнитивного компонента ЕЦД пережиты, сформировавшаяся умственная модель инкорпорирована в память. Во втором случае никаких психических новообразований субъект не приобрел.

В третьем и четвертом случаях «образ о правильном алгоритме действий» (знание) был операционализирован — превратился в умение, в четвертом случае — в когнитивное. ЕЦД завершен, положительная эмоция пережита. В обоих случаях в памяти отложились ФС, ФС, интегрировавшие знания (умственная модель) и умения (умножать в уме и осуществлять сверку).

Важно то, что только умения могут служить в качестве инструмента преобразования реальности (внешней или субъективной). Знание — лишь «полуфабрикат» для «производства» умений. Это не всегда осознается актором. Если актер сформировал ценностную систему на основе умений, его понимание «правильного» и «неправильного» — следствие верификации «его» практикой знаниевой модели. Если результат окажется полезным, у актора сформируются (настоящие) инструментальные и терминальные ценности. Те же ценности, которые сформировались на основе (только) знаний, будут побуждать его делать (и не делать), наряду с прочим, и то, что в результате окажется адаптационно вредным.

Для ситуаций, в которых натурный эксперимент (в том числе, на себе) нежелателен, операционализация осуществляется методом умственного моделирования. Приведу «кошунственный» пример: если бы Зоя Космодемьянская заранее смоделировала в уме ситуацию поджога изб подмосковных колхозников и реакцию людей, оказавшихся на улице в морозы, наверное, она избрала бы более эффективный способ борьбы с агрессором. Пример назван «кошунственным» потому, что мои «знаниевые» ценности требуют: «Не смей очернять святое!», я чувствую собственную низость (почему?), и гневные «значимые другие» преследуют меня в моем воображении. Это — девиантные отношения с компонентами субъективной реальности. Но они обычно «продеваются» в социальные взаимодействия, делая нас неэффективными и несчастливыми.

В категории неоперационализированных ценностей есть ценности, которые ощущаются как операционализированные, так как осуществляется их позитивное эмоциональное якорение в памяти. Вспоминается пережитое лично. В пятнадцать лет я с приятелем договорился с двумя девушками пойти в воскресенье в кино, на последние ряды. Это должен был быть мой первый опыт подобного рода. К выходному моя мама окружила меня такой заботой и домашними удовольствиями, что ей удалось склонить меня и в воскресенье продолжить сибаритствовать дома. В результате терминальные и инструментальные ценности юношеского возраста еще достаточно долго были для меня чем-то вроде «пустого понятия» в логике. Квазиоперационализированные ценности более крепко, чем «просто» неоперационализированные, удерживают актора на ложном жизненном пути.

Очень кратко остановлюсь на втором типе информационных объектов — субъективных образах людей, с которыми актер взаимодействует в собственном сознании.

М. Е. Литвак выделяет в умственной модели четыре типа таких контрагентов: «Я», «ТЫ», «ВЫ», «ОНИ». Образ «Я», выполняет функцию или агента актора, или «другого Я» (контрагента актора) в его умственных «межличностных» взаимодействиях.

Актор как деятель, обладающий умениями, формирует отношение «образа Я» к труду. Если продуктивная результативность актора вызывает у него неудовлетворение, в его сознании формируются две девиантные субличности «Я». Одна из них представляет незавершенные (законченные с отрицательным эмоциональным результатом) прошлые акты взаимодействий, побуждая актора в первую очередь действовать ради того, чтобы «поменять прошлое», сделать воспоминание более комфортным, наказать «виноватых». Другая девиантная субличность побуждает актора, обычно ради удовлетворения требований «других» в его умственной модели, «сейчас» делать то, что делать нецелесообразно, а исполнение целесообразного для актора перенести на будущее. В последнем случае «сейчас» не кончается, а будущее не наступает.

Правильные отношения с контрагентами «ТЫ», «ВЫ», «ОНИ» основываются на понимании следующего. «ТЫ» — (сейчас) тот единственный, «в глазах которого я вижу Вселенную»; «ВЫ» — (сейчас) те немногие (от 10 до 15 человек), взаимодействие с которыми столь насыщено и значимо, что ради его эффективности целесообразно понимать их и относиться к ним как можно ближе к тому, как я отношусь к себе; «ОНИ» — те многие, функциональные отношения с которыми целесообразно строить по установленным социальным правилам, не занимая ум проникновением в их модель мироздания. В случае неправильного установления отношений с этими типами контрагентов актер испытывает жизненные неудачи, что обуславливает его социальную активность «в интересах» его девиантных субличностей (см.: Литвак, 2008; 2009: 40–242).

Вместо заключения. Субъективная реальность — не менее значимый фактор, определяющий человеческое поведение, чем реальность объективная, а иногда — более значимый фактор. Современный уровень понимания структуры и содержания субъективной реальности ограничивает возможности оптимизации и гуманизации социальных отношений. Проблема удовлетворительного моделирования субъективной реальности может быть успешно решена. В этом случае следует ожидать повышения эффективности членов социальной деятельности и отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данные опосредованного наблюдения не содержат очевидных подтверждений или опровержений корректности субъективной модели. Для превращения их в средство верификации требуется выстраивание 1) «микротеории» о том, как «сырые» опосредованные данные соотносятся со свойствами исследуемой реальности, 2) технологии преобразования «сырых» данных в данные, которые поддаются интерпретации.

² Понимание — деятельность по построению субъективной умственной модели, позволяющей субъекту рационально организовать свою целесообразную деятельность. В субъективной модели, ставшей результатом понимания, отображены «данные» о внешней реальности, преобразованные и селектированные «веером» актуальных (во время этой деятельности) потребностей актора и дополненные субъективно релевантными «данными» о способах действий, извлеченными актором из памяти, — умственная модель любой деятельности и сама «...деятельность являются реализацией... набора систем разного возраста в их взаимодействии» (Безденежных, 2004: 19).

³ В работе Ю. И. Александрова в сжатом виде содержится обоснование некорректности условно-рефлекторной объяснительной модели и этой парадигмы в целом (см.: Александров, 2003: 39–41).

⁴ Рутинные акты принципиально отличны от творческих тем, что интеллект обычно не сопровождает исполняемую деятельность. Единичный акт деятельности состоит из двух перекрывающихся (по времени исполнения) функциональных компонентов: когнитивного (интеллектуальная деятельность «в» субъективной умственной модели) и исполнительного (двигательного). После передачи функции в реализуемом акте деятельности исполнительным системам когнитивные системы могут перейти к деятельности «для» следующего единичного акта (см.: Безденежных, 2004: 193–196). Исполняя рутинный акт, актер когнитивно существует в другом акте (это общеизвестно). Кстати, по этой причине исследования рутинных практик в социологии, вероятно, обречены на неэвристичность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анохин, П. К. (1975) Очерки по физиологии функциональных систем. М. : Медицина. 448 с.
- Аристотель. (1976) Соч. : в 4 т. М. : Мысль. Т. 1. 550 с.
- Безденежных, Б. Н. (2004) Психофизиологические закономерности взаимодействия функциональных систем при реализации деятельности : дис. ... д-ра психол. наук. М. 292 с.
- Литвак, М. Е. (2008) Из Ада в Рай : избранные лекции по психотерапии : учеб. пособие. 11-е изд. Ростов н/Д : Феникс. 477 с.
- Литвак, М. Е. (2009) Если хочешь быть счастливым : учеб. пособие по психотерапии и психологии общения. 19-е изд. Ростов н/Д : Феникс. 603 с.
- Луков, Вал. А, Луков, Вл. А. (2008) Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального ин-та бизнеса. 784 с.
- Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2014) Методология тезаурусного подхода: Стратегия понимания // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 18–35.
- Мельников, В. М., Ямпольский, А. Т. (1985) Введение в экспериментальную психологию личности. М. : Просвещение. 321 с.
- Попов, В. Г. (2004) Физическая реальность и язык. СПб. : Изд-во СПбГУ. 248 с.
- Рассел, Б. (2000) Человеческое познание: его сфера и границы. М. : Терра-Книжный клуб. 463 с.
- Солнышков, А. Ю. (2013) Единичный акт деятельности как категория теории функциональных систем и возможности ее применения для объяснения явлений социальной реальности // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 41–46.
- Юм, Д. (1998) Трактат о человеческой природе. Минск : ООО «Попурри». 720 с.
- Хмарский, И. Д. (1974) Анализ литературного произведения в старших классах. Ульяновск : УлГПИ им. И. Н. Ульянова. 159 с.
- Швырков, В. Б. (1995) Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики. М. : ИП РАН. 162 с.

Дата поступления: 12.05.2014 г.

SUBJECTIVE REALITY AND PROBLEMS OF ITS THEORETICAL MODELING A. YU. SOLNYSHKOV (MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

Subjective reality is usually understood as the equivalent of the objective reality. At the same time, it includes both not fully adequate «copies» of the elements of the objective world and virtual objects generated by the intellect while working with these copies, and with other components of subjective reality. For this reason, subjectively generated components are often erroneously understood as objective facts, and it is in this status that they determine the interactions of social subjects.

One can take into account and neutralise the influence of the subjectivity factor by forming a sin-

gle «reference system including an observer», which covers the spaces of both a subjective and the external (social) reality. To ensure that the «dimensions» in the subjective and external reality are equivalent, it is advisable to place the «observer» within a subjective reality, and to accept a functional system (after P. K. Anokhin) as its «unit of measurement». From the point of view of an external observer, this system corresponds to a single act (cycle).

In the functional system, external behavior and the intrapsychic activity are structured identically. The actual need of the subject should be accepted as a reference point to measure this composite reality. The process of the subject interacting with the components of the subjective reality is described in terms that reflect the content of the components of a functional system.

The structure of subjective reality is presented in the form of knowledge (the information incorporated into the memory of the subject and involving what has not been operationalized in his/her activity) and skill (incorporated into memory as a completed activity). Both the former and the latter may act as values, providing motivation for the subject.

The images of people are independent components of subjective mental models of reality. The interaction with these images is handled by the subject, or his/her agent in this reality — his «I»-image. The «I»-image can also represent «defective» or «problematic» acts in the subject's mind: those failed or unreasonably postponed. The «I»-image interacts with three types of subjectivized images: «YOU» (singular); «YOU» (plural) and «THEY». Each of these types has specific properties which determine the respective rules of interaction. In the subjective mental model, the techniques of interacting with these images are projected onto real interactions with people in society and determine their content and effectiveness. The high culture of human activity in the subjective mental models of reality allows to drastically increase the efficiency of social interactions.

Keywords: subjective reality, subjectivity factor, functional system, single act, understanding, intellectual activity, mental model, operationalization of knowledge.

REFERENCES

- Anokhin, P. K. (1975) *Ocherki po fiziologii funktsional'nykh sistem* [Essays on the Physiology of Functional Systems.]. Moscow, Meditsina Publ. 448 p. (In Russ.).
- Aristotel'. (1976) *Sochineniia* [Works] : in 4 vols. Moscow, Mysl' Publ. Vol. 1. 550 p. (In Russ.).
- Bezdenezhnykh, B. N. (2004) *Psikhofiziologicheskie zakonomernosti vzaimodeistviia funktsional'nykh sistem pri realizatsii deiatel'nosti* [Psychophysiological Patterns of Interaction of Functional Systems in the Implementation of Activities] : diss. ... Doctor of Psychology. Moscow. 292 p. (In Russ.).
- Litvak, M. E. (2008) *Iz Ada v Rai : izbrannye lektsii po psikhoterapii* [From Hell to Heaven : Selected Lectures on Psychotherapy] : a textbook. ed. 11th edn. Rostov-on-Don, Feniks Publ. 477 p. (In Russ.).
- Litvak, M. E. (2009) *Esli khochesh' byt' schastlivym* [If You Want to Be Happy] : a training manual on psychotherapy and psychology of communication 19th edn. Rostov-on-Don, Feniks Publ. 603 p. (In Russ.).
- Lukov, Val. A. and Lukov, Vl. A. (2008) *Tezaurusy. Sub»ektnaia organizatsiia gumanitarnogo znaniia* [Thesauri . Subjective Organization of the Human Knowledge]. Moscow, The National Institute of Business Press. 784 p. (In Russ.).
- Lukov, Val. A. and Lukov, Vl. A. (2014) *Metodologiya tezaurusnogo podkhoda: Strategiiia ponimaniia* [The Methodology of the Thesaurus Approach: A Strategy for Understanding]. *Znanie. Poniimanie. Umenie*, no. 1, pp. 18–35. (In Russ.).
- Melnikov, V. M. and Yampolskii, L. T. (1985) *Vvedenie v eksperimental'nuu psikhologiiu lichnosti* [Introduction into Experimental Psychology of Personality]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 321 p. (In Russ.).
- Popov, V. G. (2004) *Fizicheskaia real'nost' i iazyk* [Physical Reality and Language]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press. 248 p. (In Russ.).
- Russell, B. (2000) *Chelovecheskoe poznanie: ego sfera i granitsy* [Human Knowledge: Its Scope and Limits]. Moscow, Terra-Knizhnyi klub Publ. 463 p. (In Russ.).

Solnyshkov, A. Yu. (2013) *Edinichnyi akt deiatel'nosti kak kategoriia teorii funktsional'nykh sistem i vozmozhnosti ee primeneniia dlia ob»iasneniia iavlenii sotsial'noi real'nosti* [Single Act Activity as a Category of the Theory of Functional Systems and the Possibilities of Its Application for the Explanation of the Phenomena of Social Reality]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 41–46. (In Russ.).

Hume, D. (1998) *Traktat o chelovecheskoi prirode* [A Treatise of Human Nature]. Minsk, Popurri LLC. 720 p. (In Russ.).

Khmarskii, I. D. (1974) *Analiz literaturnogo proizvedeniia v starshikh klassakh* [Analyzing a Literary Text in High School]. Ulyanovsk, Ulyanovsk State Pedagogical University Press. 159 p. (In Russ.).

Shvyrvkov, V. B. (1995) *Vvedenie v ob»ektivnuiu psikhologiiu. Neironal'nye osnovy psikhiki* [Introduction to Objective Psychology. The Neuronal Foundations of the Psyche]. Moscow, The Institute of Psychology of the RAS Press. 162 p. (In Russ.).

Submission date: 12.05.2014.

Солнышков Алексей Юрьевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5 корп. 3. Тел.: +7 (499) 374-60-21. Эл. адрес: al_sol@list.ru

Solnyshkov Alexey Yurievich, Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, Moscow University for the Humanities. Postal address: B. 3, 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-60-21. E-mail: al_sol@list.ru